

СТЯЖКЕР

Дмитрий Лазарев

[ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ]
ПРОТОКОЛ «ЧУМА»

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Лазарев

**Зона Посещения.
Протокол «Чума»**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лазарев Д. В.

Зона Посещения. Протокол «Чума» / Д. В. Лазарев —
«Издательство АСТ», 2018 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-111666-8

Бесследно исчезает затерянный в тайге городок, и все, кто пытается его найти, исчезают тоже. Все Измененные к востоку от Уральских гор вдруг устремляются неведомо куда, повинувшись только им слышному зову. Сталкер, решивший завязать со своей рискованной профессией и вернуться домой, оказывается в самой гуще странных и кровавых событий. Игра мечты команды ролевиков неожиданно превращается в битву за выживание, а в таежной глуши стремительно созревает вирус, способный уничтожить все человечество. Кому окажется под силу распутать этот смертельный узел?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111666-8

© Лазарев Д. В., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Художник	9
Глава 2. Виктор	12
Интерлюдия 1. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)	16
Глава 3. Художник	18
Глава 4. Виктор	20
Интерлюдия 2. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)	23
Глава 5. Художник	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Лазарев
Зона Посещения. Протокол «Чума»

© Д. Лазарев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Северный Урал. Окрестности Шелеховского. Девятый год метеоритного дождя

Федор Дмитриевич Воскобойников устал, но останавливаться не собирался: кто знает, сколько времени ему отведут охотники за его головой? Он совсем недавно избавился от трупов первой партии... Точнее, двух первых партий с разных сторон. Но будут еще, сомневаться не приходилось. Этих он не убивал, нет. На сей раз частично они перебили друг друга сами, частично поработал удачно подвернувшийся сувайвор, но в дальнейшем профессору придется полагаться исключительно на себя. А значит, надо быть готовым.

Здесь, внизу, Федор Дмитриевич совсем потерял счет времени. Смена дня и ночи проходила мимо него. Вернее, над ним, поскольку находился он в глухом бункере. Его наручные часы были электронно-механическими, и стрелки показывали без пяти двенадцать. Полдень? Полночь? Воскобойников не знал, да и не особо этим интересовался. Камеры наружного наблюдения не включал – экономил энергию генератора. Спать хотелось просто адски, но и это не было показателем – последние месяцы его режим сна и бодрствования полетел к черту, а за прошедшие с момента визита Стрельцова двое суток он и вовсе прикорнул от силы на пару часов.

Сейчас перед ним на столе стояли три пробирки с кровью: сувайвор и «лояльные» фризера и кинетик. Не такой плохой набор для эксперимента. На ком? Конечно, на себе, потому что в его жилах тоже течет кровь сувайвора, дающая шанс выжить при подобных экзерсисах. У других такого шанса нет: либо *изменение*, либо смерть. Да и будет преступно с его стороны позволить пропасть столь ценному материалу. Хотя бы ради науки. И ради выживания тоже. Отсидеться здесь больше не получится – безжалостный большой мир вот-вот выдернет его из этой раковины властной рукой. Чтобы раздавить.

Но миру для этого придется потрудиться. Еще недавно профессором почти полностью владел фатализм, лишь слегка разбавленный научным интересом к происходящему снаружи. Но всего лишь один разговор с этим отчаянным и безрассудным сувайвором Стрельцовым неожиданно многое изменил. Не сразу, нет. Понадобились почти сутки, чтобы зерно, упавшее на иссохшую вроде бы почву, неожиданно взошло. Сначала он просто проследил за уходящим в безнадежную битву сувайвором, понаблюдал через скрытую камеру за его схваткой с «лояльными» и слегка удивился ее исходу. Далее на всякий случай взял образцы крови убитых «лояльных», избавился от их трупов, а потом... Интерес к жизни пробудился внезапно, вместе с пришедшей в голову идеей. Странной, безумной, авантюрной, но... почему бы и нет, черт возьми?! Что теряет почти уже обреченное человечество? И что теряет лично он, профессор Федор Дмитриевич Воскобойников? Но если задуманное им удастся... От перспектив просто захватывало дух. Только для начала необходимо как минимум выжить.

Следующие сутки прошли в яростной, до фанатизма, работе. Слишком многое нужно было сделать, прежде чем покинуть это убежище, переставшее быть безопасным. Материалы, образцы, данные, кое-какие приборы, достаточно легкие и компактные, чтобы их можно было прихватить с собой... Еще кое-что... И кровь. Наконец дело дошло и до нее. Последнее, на что ему надо было решиться. Впрочем, на фоне всего остального это уже не казалось чем-то страшным. Просто еще один рискованный, но необходимый шаг. Сначала кровь сувайвора, потом, через час, – фризера и на десерт, еще через час, – кинетика. Все должно пройти нормально.

Итак, первая инъекция. Профессор с удовлетворением отметил, что рука его тверда и пальцы почти не дрожат. Четкое, выверенное попадание в вену на локтевом сгибе левой руки. Через полчаса наступила реакция – озноб, слабость, тошнота, – чужая кровь пыталась прижиться в организме. Но это все преходящее, а вот что получится в итоге? То есть как инъекция отразится потом на его возможностях? Ответ даст лишь время, если, конечно, оно у него будет.

Включить монитор камеры слежения у второго входа? Пожалуй, стоит. Топлива для генератора осталось всего ничего, но куда его копить – он так и так здесь уже не останется. Воскобойников нажал кнопку. Пустой лес. Светло. Стало быть, «без пяти двенадцать» это был полдень. Воскобойников глупо хихикнул. Через час Федора Дмитриевича еще не отпустило, но медлить он не стал – что-то внутри будто прищипывало его, зудя в ушах зловещим предсказанием, что время вот-вот истечет.

Фризер. Колотить стало сильнее, но не сразу, а минут через пятнадцать. С легкой отстраненностью типично научного работника, будто речь шла не о нем самом, профессор отметил, что на второй инъекции реакция наступила быстрее. В чем причина? Неправильная очередность введения? Или так действует кровь «лояльного»? Может, организм просто отторгает ее? Или следовало сделать более продолжительную паузу между уколами? А если та присадка, что обеспечивает зависимость «лояльных» от постоянных вакцинаций антиновы, не преодолевается кровью сувайвора, как он рассчитывал, а наоборот – вызывает фатальную реакцию? Раньше Воскобойников думал, что паника и апатия – вещи взаимоисключающие, но вот сейчас у него они каким-то диким образом ухитрились совместиться. Страх завладевал им. Но сил, чтобы сделать с этим хоть что-нибудь, не было. Даже голова начала уже туго соображать. Передозировка биологически активных жидкостей в организме? Отравление чужим генным материалом?

В этой мучке прошел еще час. Воскобойникову было уже очень плохо. В глазах стоял туман, в ушах – шум, тело было словно ватное, а во рту – мерзкий металлический привкус. Мысль, что он, быть может, умирает, пришла просто и буднично, словно подумал о насморке. А между тем паника внутри нарастала. В голове будто вопил кто-то: «Скорее! Времени нет! Они приближаются! Давай! Третью пробирку! Ну же!!»

Рука профессора потянулась к шприцу со стимулятором и на мгновение замерла, не получая решительной команды рассудка. Его разум находился в смятении: состояние было таким, что укола стимулятора могло не выдержать сердце. С другой стороны, без укола стимулятора еще чуть-чуть – и прикажет долго жить все остальное. Даже третью инъекцию не сделать: перед глазами все расплывалось, руки дрожали – в вену можно попасть разве что случайно. Но команда поступила, и пальцы правой руки сомкнулись на шприце.

А ведь когда перед процедурой Федор Дмитриевич специально наполнил шприц стимулятором и положил рядом с пробирками, он сам себя назвал перестраховщиком. Сейчас бы он даже набрать шприц, пожалуй, не смог. Хриплый, лающий смех разорвал тишину комнаты. Он, впрочем, быстро угас, так как отзывался сильной болью в горле. Взять шприц и сделать укол в левое предплечье оказалось самым сложным испытанием – Воскобойников боялся сломать иглу. Но он справился.

Пошло дело! Стимулятор был нестандартным – профессор сделал свой, по особой формуле, более мощного действия. Убирает слабость и тремор, временно придает ясность мысли и... еще кое-какие эффекты. Правда, потом придет расплата. Жестокая. Не думать об этом – в конце концов, где он, а где «потом»! Озноб отступил. Тошнота и мерзкий вкус во рту остались, ну да и черт с ними – они ему не мешают сделать главное. Федор Дмитриевич поднял руку, сфокусировал на ней взгляд и сделал сразу два вдохновляющих открытия: он снова видел четко и рука не дрожала. Это ненадолго, но ему хватит. А вот боль за грудиной с левой стороны пугала: моторчик-то в экстремальном режиме работает, как бы не сгорел – ему ведь уже сорок лет как не двадцать пять.

Последняя пробирка. Кровь кинетика. Набрать шприц и ага в многострадальную вену! На сей раз реакция наступила уже через десять минут. Он снова начал чувствовать себя выброшенной на берег медузой. Третья ударная доза чужой крови подавила действие стимулятора, на отходняк от которого теперь наложился эффект от всех трех инъекций... Боже, как погано! Право слово, покончить с собой можно было и менее мучительным способом.

Взгляд мазнул по монитору следящей камеры у второго входа в бункер. Не желающее фокусироваться зрение тем не менее уловило там какое-то движение – смутные темные пятна. Пятна?! Внезапная волна ужаса вызвала бесконтрольную вибрацию всего организма. Нет, это не те вечно голодные твари, что ночами вылезали из Провалов. Это другие. С двумя руками и ногами, но оттого не менее опасные. Скорее, даже более. Это за ним. Убийцы. «Лояльные» или террористы НМП – без разницы. Для него и те, и другие означают смерть. Черт! Слишком рано. Он еще не готов. Та радикальная трансформация, которую он запустил, либо убьет его, либо превратит в нечто большее, чем человек, но на это нужно время, а те человекоподобные пятна, похоже, спешат. Сколько их? Трое? Четверо? В таком состоянии ему и одного за глаза. Как он честил сейчас на все корки собственную нерешительность! Надо было раньше сделать себе инъекции – глядишь, был бы уже готов... Или в том, или в другом смысле этого слова.

Федор Дмитриевич с невольным стыдом вспомнил то, что говорил Стрельцову насчет смириться, сдаться, сойти со сцены... Самому-то сейчас как не хочется эту самую сцену покидать! До скрежета зубного. Привык к сцене-то, прикипел! Но что он сможет? Разве что хватит сил встать навстречу тем, кто пришел забрать его жизнь.

Страшный грохот заставил его вздрогнуть и снова посмотреть на монитор. Там все затянуло серым. То ли ему зрение совсем отказало, то ли убийцы применили радикальные методы для вскрытия запасного входа – все-таки там не могучие бронированные ворота, как на главном. Послабее. Взрывчатка может и взять. Или парочка кинетиков. Значит, убийцы уже внутри.

Профессор скривил губы в улыбке, подозревая, что она сейчас напоминает судорожный оскал умирающего пса. Не успел. Совсем чуть-чуть. Наверное. Вот бы задержать их хоть немного... Где же тут это было? Ну-ка...

Искать пришлось почти на ощупь. Дрожащие пальцы нащупали большую квадратную кнопку всеобщего оповещения по громкой связи. Справившись с приступом удушливого кашля, Федор Дмитриевич нажал ее и произнес:

– Ну, здравствуйте, гости незваные!

Глава 1. Художник

Москва. Десятый год метеоритного дождя

Уши закладывает от автоматных очередей, в носу свербит от пороховых газов, и руки уже дрожат от вибрации оружия. Мы в ловушке. Я и Сиг. В чертовой. Мать ее. Ловушке. Дом окружен истребителями. Огромной толпой. И рыжеглазых вожаков среди них навалом. Не массой задавят, так заплюют. Влипли капитально! Ведь нутром чуял, что не стоит браться за это дело, так нет же! Сиг, несмотря на свое рыбье прозвище, кого хочешь уболтает. «Ты только прикинь, какие бабки, Художник!» Бабки, бабки... На черта они сдались покойникам? Пока еще удается держать тварей на расстоянии, но надолго ли? Да и патроны кончаются...

Я срезаю длинной очередью троицу особо резвых и наглых мутантов, кинувшихся к моему окну, и вздрагиваю от дикого крика Сига. Оборачиваюсь и едва сдерживаю рвотный позыв – он поймал лицом плевков одного из вожаков, и теперь плоть слезает с него под разъедающим действием ядовитой дряни из желез мутантов.

– Твою... – только и успеваю произнести я, а на окнах уже появляются фигуры сразу двух истребителей.

Обреченно вскидываю автомат...

* * *

Сумка со стуком падает с коленей на пол, и я сам едва не следую за ней. Интересно, эти кошмары когда-нибудь прекратятся? У солдат это называется ПВС, а у сталкеров? ПЗС, что ли? Постзонный синдром? Или я первый из наших, «завязавший» не посмертно?

Наклоняюсь за сумкой и морщусь – тело затекло и болит. Кресло в аэропорту – не самое удобное место, чтобы спать, но что делать? Зверский недосып последних недель и трехчасовая задержка рейса на Иркутск не оставили мне выбора.

Домой... Хорошее слово, но что за ним кроется? Кто меня там ждет, в Иркутске? Друзья? За восемь лет поразъехались, наверное, кто куда. Родители? Мама разве что. С отцом я вдрызг разругался, когда подался на свои «зонные заработки». Для него я тогда и умер, пожалуй. Особый вид живых покойников, которые не воняют разложением, не бродят, пошатываясь, и не питаются человеческими мозгами. Это как раз про меня. Художник, ага. От слова «худо». Дурацкое прозвище, если честно, но в сталкерской среде они прилипают – не оторвешь. Так-то меня Артемом зовут. Артем – Арт (искусство по-английски) – художник. Не самая очевидная ассоциативная цепочка, но первым моим делом был вывоз картин из брошенного дома одного богача в Печоре. Так вот и стал Художником. Рассказать тем, кто знал меня в детстве – долго будут животы надрывать от смеха, – с рисования в школе я регулярно двойки приносил. Не мое это.

А что мое, интересно? Уж точно не бегать по Зоне и стрелять в мутантов. Я свое отбегал, хватит! И так кошмары мне надолго обеспечены. Живой, и ладно. Не всем так повезло. Тому же Сигу, не к ночи будь помянут... Денег я, правда, поднял, хотя и не так много, как мог бы. Все потому, что не решился с кровью Измененных связаться. Вот где сверхприбыли! Хотя и риску больше, конечно. И на душе как-то... не так, в общем.

Все, стоп! Этап под названием «Зона» для меня закончен навсегда. С каким бы итогом я ни пришел к этому промежуточному финишу, повторного забега не будет. Чем займусь в Иркутске? А хотя бы таксистом устройсь. Или в автосервис – благо руки откуда надо растут. Что бы ни делать, лишь бы мирное. И подальше от всей этой паранормальной дряни. Наку-

шался за восемь лет до изжоги. Теперь на каши переходить надо, чтобы здоровье поправить. Психическое в основном.

Так, что это там бубнят? «Заканчивается посадка на рейс S7-154 Москва – Иркутск. Выход 43. Отставших пассажиров просим срочно подойти на посадку». Черт возьми! Чуть свой рейс не проспал! Подхватываю сумку и большими скачками несусь к выходу.

* * *

В самолет захожу одним из последних. Салон «Боинга-737» уже практически заполнен, а мой путь лежит к самому дальнему ряду сидений. Сверяюсь с посадочным талоном и вздыхаю: место 30В – не фонтан. Один из худших вариантов. Зажат между соседями – ни у окна, ни у прохода. Пять с лишним часов полета. Впрочем, ладно, мне ли жаловаться – за последние годы с комфортом у меня дела обстояли неважно. Невелика цаца – потерплю. Может, хоть отосплюсь в дороге.

Когда я добираюсь до последнего ряда сидений, места и у окна, и у прохода уже заняты. У иллюминатора дремлет мужчина лет шестидесяти, а у прохода копается в своей сумочке изящная блондинка. Довольно привлекательная, насколько это можно разглядеть с такого ракурса. Я, конечно, устал, но не настолько, чтобы не заметить.

«Хоть в чем-то повезло», – мелькает в голове. Мелькает и пропадает. Сейчас мне не до флирта – не тот настрой. Однако надо попросить ее встать, чтобы добраться до своего места.

– Разрешите?

Она поднимает на меня глаза и улыбается. Улыбка у нее лукавая и такая заразительная, что не улыбнуться в ответ я просто не могу. Блондинка смешно морщит нос, изобразив задумчивость.

– М-м... А вы мне что за это?

Сообразив, что расплываюсь в глупой улыбке, мысленно одергиваю себя. Даже если особо не собираешься ухлестывать за девушкой, выглядеть перед ней идиотом – совершенно лишнее: полет впереди долгий, и мало ли...

– Ну... мы что-нибудь придумаем, – не слишком изящно выкручиваюсь я.

Но ход встречает одобрение.

– Договорились. – Она поднимается и протягивает руку для пожатия. – Рита.

– Очень приятно. Художник, – брякаю я, прежде чем включается мозг.

– О?! – Ее глаза вспыхивают. – Вот просто так, «художник»? Безымянный? Или имя ваше слишком известно, чтобы вы его называли?

Последнее, похоже, цитата, но я не понимаю откуда. К тому же я в растерянности от своей глупой ошибки и, чтобы скрыть это, достаточно неуклюже падаю в кресло. Но она ждет ответа, и надо как-то выкручиваться.

– Ага. Широко известно... в узких кругах.

Браво, Артем, браво! Бородатая шутка сейчас – именно то, что нужно! Ты просто гений, блин! А дальше-то что? Не правду же говорить, в самом деле! И тут меня осеняет.

– Глупая оговорка. – Я пытаюсь выдать обезоруживающую улыбку, возможно, даже удачно. – Это мой ник на форуме уфологического сообщества. А так меня Артем зовут. Калитвинцев.

– Очень приятно, Артем! И очень интересно! Вы, стало быть, уфолог?

– В общем, да, – продолжаю вдохновенно врать я. – Правда, не совсем в традиционном смысле. Инопланетяне нас волнуют мало. А вот аномалии в Зонах – дело другое.

– С ума сойти! – Она кажется искренне восхищенной. – Вы ведь мне расскажете, да?

– Ну... то, что можно, расскажу, конечно.

– Отлично! Чувствую, полет скучным не будет.

М-да. Похоже, про сон можно забыть. Хотя альтернатива как минимум не хуже.

– А для начала хочу вас спросить как художник художника: вы рисовать умеете?

«Опять цитата!» – соображаю я, глядя в ее искрящиеся озорством глаза. Книга? Фильм? Вертится в голове вроде, но... Вернусь домой – точно буду больше читать! Но тут на всякий случай выдаю легкий смешок и признаюсь:

– Не очень.

– Тогда почему такой странный ник?

– Ну...

– Уважаемые пассажиры, просим вас обратить внимание на демонстрацию спасательного оборудования...

Рита морщится:

– Вот же, перебили!

– ...даже если вы часто летаете.

– Даже если, – передразнивает моя соседка.

– Действительно часто? – спрашиваю я, спеша сойти со скользкой темы.

– Более чем. – Рита улыбается. – Я стюардесса в этой же авиакомпании. Но сейчас в отпуске и лечу к семье в Иркутск.

– О как! У вас, наверное, очень интересная жизнь?

– Не без того. Хотя со временем приедается. Впрочем, до вас мне в плане интереса, наверное, далеко. Так что первый ход за вами, Артем. Вы мне должны, помните?

Ну как на это не улыбнуться? Следователем бы ей работать, а не стюардессой: с темы ее не свернешь, вцепляется как клещ. Правда, надо признать, весьма очаровательный клещ.

– Итак, я устроилась поудобнее и вся внимание. Надеюсь, вы не очень хотите спать?

– Что вы, как можно? Я просто думаю, с чего бы начать.

Она усмехается.

– Полагаю, с Художника.

Глава 2. Виктор

Иркутская область. Лесногорск. Десятый год метеоритного дождя

– Вик, ты классный парень! С тобой здорово тусить, и в играх ты хорош... как игрок.

Такое вступление в устах вечно недовольной Кейт обещало дьявольски весомое «но» в самом ближайшем будущем, а мне оставалось только смиренно его дожидаться. И ожидание не затянулось.

– Но как мастер ты – ноль. Так было, есть и будет, уж прости. Язык у тебя, конечно, подвешен как надо, но твои красочные обещания суперигры меня бы не заманили...

– Если бы? – подбодрил ее я.

– Если бы не репутация твоего брата. Хочу, чтобы ты понял: я здесь только потому, что он – мастер, а ты – лишь участник, да еще игротех на подхвате.

Сохранить на лице улыбку стоило мне большого труда. Такие слова, скажи их кто другой, отскочили бы от меня, как горох от стенки, но Кейт...

– Ты умеешь сказать приятное, – проронил я. – Только зачем? Мастер – Павел, и я на его лавры не претендую.

– Это чтобы ты не думал лишнего и не особо надувался от гордости.

– Ну, я в курсе, что иголка для таких случаев у тебя всегда с собой, – парировал я.

– Хм, Вик... – Луи сидел между нами и, кажется, чувствовал себя в этом обмене ударами не очень уютно. – Я правильно понимаю, что нам предстоит «кабинетка»?¹

– Не совсем. – Я постарался не слишком явно радоваться смене темы. – Площадка довольно просторная, но не под открытым небом.

– Может, расколешься хоть чуть-чуть, куда мы едем?

– Нет. Это сюрприз. Но когда мы приедем на место, вы обалдеете! Гарантирую – такой игры у нас еще не было никогда!

На это Кейт только фыркнула, но на сей раз предпочла обойтись без комментариев.

– Первоисточник все читали?

На этот раз без комментариев обошлись все. Зато посмотрели так, будто к позорному столбу пригвоздили. Ну да, сам виноват – вопрос дурацкий. Саймон Грин – то, что спаяло нашу ролевую команду, а «Кровь и честь»² – что-то типа священной коровы, на которую мы до сих пор не замахивались только потому, что хотели, чтобы игра получилась идеальной. У нас всех даже ники фанатские: Виктор, Луи, Доминик, Кейт, Габриэла³. И вот звезды сложились. И площадка, и мастер...

– Ладно, извините, ляпнул, не подумав, – улыбнулся я. – Но тут – забудьте. Персонажи – те же, антураж будет на высоте, а сюжет кардинально поменяется!

– Боевка будет? – поинтересовался Гэвейн, любовно поглаживая свою деревянную секиру. Ну да, этот маньяк в своем репертуаре. Доспех и оружие у него – настоящие произведения искусства.

– Все узнаете в свое время. На ролинг⁴ будет пара часов прямо на месте. – Я сделал небольшую паузу. – Но белый хайратник⁵ готовь – может пригодиться.

¹ Кабинетка – ролевая игра в закрытом помещении.

² «Кровь и честь» – фэнтезийный роман с детективным уклоном американского писателя Саймона Грина, повествующий о борьбе за трон наследников погибшего короля Редгарта.

³ Персонажи романа Саймона Грина «Кровь и честь».

⁴ Ролинг – вхождение в роль в ролевых играх.

⁵ Белый хайратник – в ролевых играх знак того, что персонаж убит.

Гэвейн ответил мне кровожадной улыбкой. Она не совсем соответствовала его образу старого солдата, но как игроку подходила вполне. Впрочем, тормоза у него были в порядке. Мы безбашенных в игры не берем – себе дороже выйдет.

– А мастер участвует? – спросила Кейт.

Я ощутил мимолетный укол ревности. Пашка, конечно, мой старший брат и безнадежно женатый человек, но Кейт не упускает случая выказать ему свое расположение. Особенно при мне. Видимо, специально, чтобы я шибко губу не раскатывал.

– Там узнаете. – Я снова улыбнулся ей. На сей раз загадочно. Жаль, что ей по фиг мои улыбки. Всех разновидностей.

Она пожалала плечами и стала демонстративно смотреть в окно, на проплывающую мимо стену елей. Ей бы Снежную Королеву играть, а не хранительницу Таггерт. Я поймал сочувственный взгляд Доминика. «Оставь, тебе не светит!» – говорил этот взгляд. Что же, я знал это, но продолжал попытки с упертостью китайского брутфорсера, вводящего пароль «МаоДзедун».

– «Кровь и честь» в тайге? – с сомнением спросил Луи. – Это больше для «Восхода голубой луны»⁶ подходит.

– Мы с братом знаем, что делаем. Вот...

– Увидим, да, – перебил Луи. – Мы уже поняли. Русиш партизанен.

Я мог понять нашу команду: пока что все действительно выглядело не ах. Наш микроавтобус с одним из игротехов брата за рулем ехал по узкой дороге, которую с обеих сторон обступала суровая тайга. Сама дорога, правда, была на удивление приличного качества для такого захолустья. Впрочем, это для них «на удивление». А мне было все труднее стоически молчать, предвкушая отвисшие челюсти всей команды, когда мы приблизимся к конечному пункту нашего пути.

Я и сам впервые увидел *это* полностью завершенным неделю назад, когда приехал с братом на предварительную подготовку к игре. И был ошеломлен. Повезло мне все-таки и с отцом, и с братом! Брат мой единомышленник. Пока. Оба болеем ролевыми играми. Но он – мастер от бога. У него талант делать умопомрачительные игры. Вот только он собирается завязать. Эта игра должна стать его лебединой песней. А жаль. Будем откровенны: я в этом плане ему даже близко не ровня.

Что же до папы... он просто чокнутый. В хорошем смысле слова. Даже больше, чем я, а это показатель! Олигарх-романтик – вид редкий, вымирающий. Таких в Красную книгу заносить надо. Но главное – отец с пониманием относится к нашему с братом сдвигу по фазе на ролевых играх. Другой бы уже всю плешь проел, что давно пора стать серьезней, заняться делами и бла-бла-бла. Впрочем, тут меня хорошо прикрывает Пашка. Он потому и завязывает, что с головой уходит в отцовский бизнес. Вот уж наследник мечты! За свою строительную империю отец может быть полностью спокоен, стало быть, до меня можно особо не докапываться... до поры до времени.

Конечно, это свое лесногорское чудо отец не для меня строил, а для себя – сам с такого кайф ловит, но когда мы с братом увидели еще недострой и, подобрав с земли челюсти, завели разговор о большой фэнтезийной игре, он согласился без разговоров. Ну, то есть не совсем без разговоров, но условия выставил вполне приемлемые. На предмет роста моей будущей сознательности (ну не может же отец в самом деле совсем об этом не говорить). Конечно, сыграло свою роль и то, что в этом августе мне должно стукнуть двадцать пять. Отыграть к такой дате принца Виктора, почти моего тезку из гриновской нетленки, для меня – дело чести, ни больше ни меньше. И разумеется, только там, в отцовском Логове.

⁶ «Восход голубой луны» – фэнтезийный роман Саймона Грина о нашествии демонов на Лесное королевство.

Лес кончился внезапно, словно отрезанный великанским ножом, и нашим взглядам открылся Лесногорск. Точнее, чуть больше половины Лесногорска. Сам по себе этот маленький серый городишко ничем особо не выделяется из тысяч таких же... Раньше не выделялся. До тех пор, пока на него не упал взгляд строительного магната Петра Подгурского – моего отца. Даже не помню, чем был обязан скромный Лесногорск первому визиту такой шишки. Кажется, отец инспектировал недавно приобретенный мраморный карьер к югу от городка. Дорога до Лесногорска в те времена была аховая, не то что сейчас, поэтому пришлось лететь на вертолете. Это все и решило.

Петр Подгурский увидел городок с высоты и совершенно пленился северным пригородом, вернее, его живописными окрестностями – поросшими еловым лесом холмами и спрыгивающим со склона горы Лосихи резвым водопадом. Сам Лесногорск имел форму подковы, огибающей массивный круп Лосихи, которая, разумеется, заросла лесом, как и все здесь. Воевать с ним и застраивать ее крутые склоны градостроители не стали – овчинка выделки не стоила – и расположили поселение в уютной долине у подножия. Южный «рог» подковы представлял собой основную часть города – с административными зданиями, торговым центром и кинотеатром, а также единственным, кроме карьера, местным предприятием – мебельным комбинатом, а вот северный... По сути, на тот момент он только начинал застраиваться – склады да маленький спальный райончик. Отец пресек этот процесс на начальном этапе и скупил там всю землю на корню: просто хотел и мог себе позволить – необходимое и достаточное условие соблюдено.

Позже он говорил, что увидел перспективу, только не для бизнеса, а для души, и не смог устоять. Даже для моего отца это было не совсем обычно: будь подобные закидоны правилом, а не исключением, Петр Подгурский никогда не достиг бы таких высот в своем деле. Развернулся он там основательно: и мы с мамой и братом, и бизнес-партнеры только рты пораскрывали. На осторожные вопросы и недоуменные взгляды ответ был один: «Мои деньги – моя мечта». Кстати, в строительство Логова отец и впрямь не пустил ни рубля из бюджета корпорации – редкость по нынешним временам. Только личную заначку. А в результате невзрачный захолустный Лесногорск заполучил хорошего качества автомобильную дорогу и достопримечательность, грозившую стать Меккой для туристов со всей области.

Вот только Логово с южной дороги не было видно – оно скрывалось за горбатой спиной Лосихи. Именно поэтому, когда наш микроавтобус въехал в Лесногорск, ничего особенного и сногшибательного мы не увидели – дыра дырой. Так что я поначалу огреб по полной – и мрачных взглядов, и пожиманий плечами, и ехидного хмыканья, и акульей тридцатидвухзубой ухмылки Луи. Но стиснул зубы и молчал, изображая из себя египетского Сфинкса. Это одна из моих масок: «Спокуха, все под контролем». Народ считал и понял – не первый год тесно общаемся. Даже Кейт не озвучила то, что наверняка крутилось у нее на языке.

Мое время пришло, когда мы обогнули куцый «хвост» Лосихи. Первым раздался длинный художественный посвист. Это отреагировал Доминик. Луи восхищенно выматерился, не забыв, впрочем, после извиниться перед дамами. Впрочем, дамам было не до его извинений, как и всем остальным: они припали к окнам, рассматривая неведомо как сюда попавший кусок средневековья. Асфальт сменился булыжной мостовой, улочку окружили каменные одно- и двухэтажные дома во французском стиле времен Столетней войны – узкие стрельчатые окна, крутоскатные крыши. Дальше – больше. Из-за домов гордо выступила высокая ратушная башня с большими часами и витиеватым бронзовым флюгером, в котором угадывалось некое диковинное создание, гибрид петуха и грифона. А на десерт... Тут уже в микроавтобусе повисла почти благоговейная тишина, потому что на вершине холма, расположившегося за средневековым кварталом, грозно восседал мощный пятибашенный замок со стенами пятнадцатиметровой высоты. Это была настоящая крепость с зубцами по верху стен, бойницами для лучников, наполненным водой рвом и здоровенными коваными воротами, к которым вел

подъемный мост. Над стенами возвышался величественный донжон, увенчанный геральдическим львом.

Логово. Даже я балдел от вида, хотя уже бывал здесь. Какое-то время наслаждался потрясением своей команды, а потом торжественно произнес:

– Дамы и господа, добро пожаловать в Полуночный замок!⁷

⁷ Полуночный замок – напичканное магией, привидениями и аномальными местами родовое гнездо королевской династии Редгарта из романа Саймона Грина «Кровь и честь».

Интерлюдия 1. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)

10 июня

В наше время, когда вокруг сплошные признаки близкого конца света, не так много стимулов продолжать жить. Думаю, подавляющему большинству людей не хотелось бы, чтобы конец известного нам мира случился при их жизни. А мне вот интересно. Мой стимул – знание. И любопытство. Вот хотелось бы мне посмотреть, как изменится мир, когда Сеятели завершат свою работу. Не думаю, что речь идет о полном уничтожении человеческого вида. Скорее, о преобразовании. Во что? Последние годы... да нет, даже десятилетия чертова уйма шарлатанов от науки кричала о фазовом переходе, толком не представляя, что это такое и с чем его едят. Сейчас у них есть шанс это увидеть. Более того – поучаствовать. Не вижу радости, господа! Почему-то только страх. Какой будет новая форма доминирующей разумной жизни на Земле? Человекоподобная или нет? Да и нужно ли будет вообще Человеку Новому (не путать с Измененными из НМП) физическое тело? У меня есть основания думать, что нет. По крайней мере от постоянной привязки к одному телу можно избавиться точно. Пробовал – получилось. Для этого достаточно избавиться от инерционности нашего сознания и перестать воспринимать себя именно как материальный объект. Полагаю, я не единственный додумался до этого. А может быть, даже не первый. Больше всего, разумеется, шансов у тех, кто подвергся *изменению*, причем давно – на территориях, подконтрольных самым первым из пробудившихся Источников Сеятелей. Интересно, то, что я собой представляю сейчас, – окончательная фаза или снова промежуточная?

Но это еще не главное. Главное в другом. Является ли программа Сеятелей жесткой, инвариантной? Будет ли она оставаться неизменной при любом ходе событий, или сможет адаптироваться к меняющимся обстоятельствам? А главное – есть ли возможность повлиять на нее со стороны? Подкорректировать программу? Моей натуре претит пассивное ожидание задуманных кем-то перемен. Мне хочется менять мир самому. Не ждать милости от Сеятелей, так сказать. Возможно, и эта мысль пришла в голову не мне одному, но я хочу попробовать ее реализовать. Естественно, не всякий сможет воздействовать на Источник – тут нужен определенный уровень знаний и возможностей. Не всякого он и подпустит к себе. Полагаю, тут должен сработать маркер «свой». Тот, кто попытается взаимодействовать с Источником, должен представлять собой форму жизни, приближенную к тому, что заведено в его программе. Тут у меня есть шансы. На данный момент я уж точно не являюсь человеком в обычном понимании. Более того – у меня был опыт «общения» с Источником, правда, кратковременного.

И еще одно. Если вы хотите приручить дикого зверя, лучше всего это делать с младенческого возраста. Взрослый, сформировавшийся зверь не поддастся на ваши приемы. Попытка дрессировать его может закончиться плачевно. Рысенка можно воспитать ласковым домашним любимцем. Взрослую рысь – никогда. К чему я все это? Мне нужно найти непробужденный Источник и «вести» его с самого начала. Так и только так у меня будет шанс «воспитать» его несколько иначе, чем в него заложено Сеятелями, поменять программу.

Как поменять? Что именно я хочу в нее заложить? Если честно, я и сам это пока до конца не представляю. У меня есть только наброски плана. Но ведь Источник тоже еще не рядом со мной, и приступать к работе с ним мне не сейчас и не завтра. Успею придумать. Проблемы нужно решать по мере их появления. На данный момент моя проблема – отыскать Источник, находящийся в состоянии предпробуждения. Проблема нетривиальная. Такой Источник не испускает достаточно сильных сигналов, которые позволили бы обнаружить его с большого

расстояния. Впрочем, у меня есть несколько идей на этот счет. Буду проверять их по очереди. Какая-нибудь да сработает. Жаль, что некому пожелать мне удачи...

Глава 3. Художник

Иркутск. Десятый год метеоритного дождя

Темнота. Бездонная. Внутри меня ворочается страх, вяжет из моих внутренностей булины, восьмерки, рифовые и шкотовые узлы, затягивая каждый со всей дури, до боли затягивая. Я не боюсь темноты. Обычной. Но эта... она живая. И голодная. Ключки мрака, от которых исходит холод и тихий шорох, словно помехи в радиоприемнике, потерявшем станцию. И еще – некий шум, но он не от них. Он в ушах, в голове. Словно нечто говорит со мной, шепчет на ухо мантру смерти. И в тот момент, когда я пойму, о чем она, просто перестану быть. Пятна – порождения Провала. Они очень близко, ползут ко мне, а я не могу пошевелиться. Стою и смотрю на них, будто под гипнозом. У них нет глаз, но я чувствую их взгляды. Нет рта, но их дикий голод отзывается вибрацией в моем животе. Сожрут. Вот сейчас они меня сожрут. Интересно, это больно? Ответ я получаю, когда ближайший ко мне обрывок алчной тьмы касается моей ноги...

Крик!

* * *

Я не сразу понимаю, где нахожусь. Номер в отеле, кровать. Испарина, легкая нервная дрожь, ощущение, что я не один. И словно в подтверждение этого чья-то ладонь ложится мне на лоб. Прикосновение явно женское. Я искоса смотрю влево. Рита. Господи, это Рита!

– Что с тобой, Тема?

– Кошмар, – хрипло шепчу я пересохшим ртом. Каждое слово, будто наждак, дерет мое горло. – У меня бывает.

– Немудрено. Бедненький! С такой-то работой... – Рита улыбается. Тепло, но опять чуть лукаво. По-другому она, наверное, и не умеет. – Эх тебя вырубил! Я так умотала, или...

– Или, – пытаюсь усмехнуться я. – Сомневаешься в моих физических возможностях?

– И в мыслях нет! – тихо произносит она, все так же улыбаясь. Ее пальцы нежно убирают с моего лба мокрую от пота прядь, лезущую в глаза.

– Правильно! Я просто мало сплю последнее время. Почти не сплю, если честно.

– Удивляюсь я вам, уфологам. – Перед последним словом она делает коротенькую паузу, но я замечаю. Не поверила? – Зачем постоянно жизнью рисковать? Адреналина не хватает?

– Э нет! Ты адреналинщиков не видела. Они в нашей профессии долго не живут. Выживают прагматики, осторожные. Параноики еще. В Зоне смерть за усы не подергаешь, потому что нет у нее никаких усов. Только полная зубов пасть.

– Поэтично ты выражаешься... Художник. – Рита ежится, поднимается, и только тут я замечаю, что она почти уже одета. – Мне пора.

– Так быстро?

– Н-да, быстро! – Она фыркает и капризно надувает губы. – Спать меньше надо!

Видимо, что-то в моем выражении лица не так, потому что усмешка блекнет.

– Да ладно, шучу я, шучу – ты спал-то всего минут пятнадцать. Однако меня могут потерять – ведь самолет давно сел.

– Позвони им.

– Угу, и что сказать? – Она садится на кровать и снова улыбается. – Что у меня бурный дорожный роман с уфологом-художником?

– А почему бы нет?

Рита легонько щелкает меня пальцем по носу.

– Мы, кажется, договаривались: никаких обязательств и продолжений!
– Ну, хотя бы пока ты здесь... Кстати, «пока» – это сколько?
– Четыре дня. А потом – в Тай! – Ее улыбка делается мечтательной. – Только теплое море и я!

Четыре дня – это много или мало? Так сразу и не скажешь, но когда мой взгляд останавливается на приподнятых уголках ее губ, мне начинает казаться, что слишком мало. Ничто практически.

– Ну хотя бы четыре дня. Это же не считается продолжением, да?

Она снова щелкает меня по носу.

– Читер! Ладно, так и быть, не считается. Я позвоню тебе.

Рита поднимается на ноги и берет свою сумку.

– Все. Побежала.

– Подожди! Я с тобой! Я быстро!

– Зачем?

– Ну... провожу. Сумку помогу донести.

– А тебя не потеряют?

– Не-а. Я никому не сказал, что лечу. Сюрприз будет!

Она, похоже, хочет что-то сказать, но меняет решение и только молча смотрит, как я одеваюсь. С моей практикой и сноровкой это отнимает меньше минуты. Взгляд Риты делается задумчивым.

– М-да... Интересный вы народ, уфологи!

* * *

Такси останавливается около обшарпанного двухэтажного барака. Прощаемся целомудренно – поцелуй в щеку на заднем сиденье.

– Сумку помочь внести в дом? – спрашиваю я для порядка.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Ты можешь представить меня как своего пажа.

Рита хихикает.

– Не очень-то ты похож на пажа, уфолог! Скорее, на телохранителя. Езжай уж – с сумкой я как-нибудь сама справлюсь.

Она уходит, а я откидываюсь на спинку сиденья такси, пытаюсь сообразить, что делать дальше.

– Куда едем? – спрашивает водитель.

Чтоб я знал! В родительский дом не тянет от слова «совсем». Разве что маму вызвонить и встретиться где-то на нейтральной территории... Что-то решать прямо сейчас не хочется.

– Никуда, – отвечаю. – Прогуляюсь, пожалуй.

– У вас сумка.

– Не беда – она не тяжелая.

– Как знаете.

Итак, тайм-аут для размышлений у меня есть. Проводив взглядом такси, я закидываю свой баул на плечо и только собираюсь выполнить маневр «идти куда глаза глядят», как тишину спального района скальпелем взрезает пронзительный женский крик.

Глава 4. Виктор

Иркутская область. Лесногорск. Десятый год метеоритного дождя

– Это то, что я думаю? – восхищенно проговорил Луи.

– Если ты думаешь о Логове моего отца, то да, – улыбнулся я.

– Вик, я, конечно, знал, что отец у тебя крутой, но чтоб настолько... – Луи развел руками, что у него являлось символом непостижимости.

Папа молодец – кто ж спорит. А я тут так, сбоку – стригу купоны популярности с его денежного дерева. И хорошо, и не очень. Чтобы меня перестали воспринимать только как сына Петра Подгурского и брата Павла Подгурского, надо очень постараться. Видимо, я пока стараюсь недостаточно.

– И надолго нам это счастье? – поинтересовалась Кейт.

– Игра продлится три дня – пятница, суббота и воскресенье. В замке никого, кроме нас, мастера, игротехов и охраны.

– Красота! – восхитился Доминик.

– Аусвайсы у всех при себе?

Вся команда дружно продемонстрировала заламинированные бумажки, где было написано, кто они, откуда и куда, в случае чего, отвезти их кости, чтобы предать земле. Шутки шутками, а на играх бывает. Очень редко, к счастью. Я за десятилетнюю карьеру ролевика один раз с таким столкнулся. Больше не хочу.

Территория вокруг замка была окружена высоким кованым забором, который, пожалуй, единственный несколько выпадал из почти совершенной средневековой стилизации всего остального. Когда микроавтобус подъехал к ограде, я высунулся из окна и нажал кнопку на брелоке – ворота плавно раскрылись. Машина въехала внутрь, и кованые створки столь же плавно сомкнулись за ней.

Охрана нас не встретила, что меня слегка удивило. Но я подумал, что Паша с ними договорился на предмет не путаться под ногами у игроков. А что, вполне возможно.

Машину решили оставить прямо здесь, рядом с воротами – гараж в этом архитектурном чуде планировался подземный, дабы не портить вид, и был еще в процессе стройки. Не все сразу.

Итак, наша команда из четырнадцати человек с сумками наперевес, обмениваясь шутками и предвкушающими улыбками, пересекла подъемный мост и подошла к воротам в замок. Я незаметно достал из кармана ключ-карту и поднес ее к считывателю, хитро запрятанному за декоративным каменным выступом справа от ворот.

– Именем Камня, откройся!

Грешен – люблю дешевые эффекты. Мощные створки трехметровой высоты медленно и почти бесшумно открылись внутрь.

Нас ждали. Высокая фигура в длинном, до земли, плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо, застыла посреди замкового двора, выложенного крупным булыжником. Монах. Он же мастер. Он же – мой брат Пашка. Колоритно выглядел, нечего сказать! Впрочем, такой костюм сострять проще всего, не то что у нас. Да и роль у него маленькая, почти эпизодическая. Оно и правильно – мастеру отвлекаться не резон, чтобы организационные дела не пострадали.

– Добро пожаловать в Полуночный замок! – глухо проговорил он. – Игра начнется через два часа. Загруз⁸ будет недолгим, не беспокойтесь. У вас хватит времени переодеться и немного отдохнуть с дороги. Итак, игровая территория – весь замок, кроме подземелий: условие вла-

⁸ Загруз – в ролевых играх вводная информация для игроков.

дельца. Боевка присутствует, будут применяться довольно эффектные спеллы⁹, имейте в виду. Базовый сюжет: трое принцев со свитой, их сестра и хранительница Кейт возвращаются из зимнего замка в летний, а в нем произошла трагедия – король Малькольм погиб, и Нереальное вышло из-под контроля. Также пропали Корона и Печать, без которых, как известно, ни один из претендентов не может занять трон. О начале игры мы известим вас одиночным ударом колокола. – Монах кивнул в сторону небольшого и довольно изящного готического храма, расположившегося во дворе возле одной из башен. – После этого все игроки должны будут собраться в холле второго этажа донжона (мы через него пройдем), и я отведу вас в библиотеку, где вы узнаете всю информацию о положении в замке и о бесчинствах Нереального.

– Монах вообще-то злодей! – подала голос Кейт.

– Но тут его образ будет несколько отличаться от канона. – По голосу из-под капюшона было件нятно, что Пашка улыбается, что меня в очередной раз неприятно укололо. – А теперь прошу следовать за мной. Я проведу вас к комнатам отдыха, где вы сможете переодеться и немного перекусить с дороги. Там же каждому из вас будет выдана распечатка вашей роли.

Дверь в главную башню выглядела столь же солидно, как и замковые ворота. Разве что размером поменьше. Открывала ее та же ключ-карта. Она, кажется, «вездеход». Может, разве что в отцовские подземелья по ней не попадешь. Внутри царил зловещий полумрак, чуть-чуть рассеиваемый стилизованными под факелы светильниками. Монах решительно шагнул внутрь, и мы потянулись следом. Можно сколько угодно считать меня мажором, но они здесь только благодаря мне. Тут моя территория, по идее, хоть я ее таковой пока не очень-то ощущал, а значит, мой статус повышается. Светильники загорались автоматически, когда мы проходили мимо. «Умный дом» – это, конечно, круто, но я поймал себя на мысли, что не знаю, как сделать освещение ярче. Какое-то время тишина замка нарушалась лишь звуком наших шагов да тихими «Круто!» и «Жееест!».

В самой середине донжона располагался здоровенный холл, из которого наверх вели две винтовые лестницы. Окна в холле отсутствовали, но большая бронзовая люстра давала достаточно света, чтобы рассмотреть весьма впечатляющий интерьер. И мебель была подобрана в нужном стиле – достаточно искусный новодел, но под средневековые. Зеркала и картины в массивных рамах тоже работали на создание нужной атмосферы. Отец словно специально подбирал обстановку под Полуночный замок, хотя вряд ли он читал Грина: Подгурский-старший ко всей фантастике относился с предубеждением.

Тут игроки разбрелись, осматривая холл. Какое-то время Монах, застывший изваянием у основания правой винтовой лестницы, терпеливо ждал, а затем, как бы между прочим, бросил:

– Советую держаться подальше от зеркал. Нереальное их последнее время часто использует для прорывов в наш мир.

Народ заухмылялся – шутку оценили по достоинству, однако намек поняли и двинулись следом за Монахом наверх по винтовой лестнице.

Луи шел вторым, прямо передо мной, и поэтому, когда он внезапно остановился, я едва в него не врезался. Взгляд его был направлен мне за спину, в холл. Я резко обернулся и успел увидеть черную человекоподобную тень, шагнувшую в зеркало. Челюсть я не уронил только благодаря богатой ролевой практике.

Остальные тоже обернулись, но опоздали – в холле было уже пусто.

– Что там было? – спросила Кейт.

– Так, невинная шутка Нереального, – улыбнулся я.

Все тоже поулыбались, а Луи ткнул меня кулаком в бок и показал большой палец – дескать, оценил спецэффект. Я подмигнул в ответ, хотя чувствовал себя немного не в своей тарелке: спецэффекты мы с братом планировали совместно, и ничего подобного я не помнил.

⁹ Спелл – буквально от английского spell – магическое заклинание. В игре – спецэффекты, имитирующие магию.

Хотя Пашка не просто так заработал свою репутацию отменного мастера – с него станется устроить сюрприз даже мне. Конечно, это он сделал, а кто же еще? Надо будет потом спросить как.

Мой взгляд уперся в спину Монаха, облаченного в свой плащ, будто в непробиваемую броню. Я всегда знал, что братец крут, но тут он превзошел самого себя. На мгновение мне показалось, что впереди из стены высунулась чья-то голова. Серая, почти прозрачная и совершенно без черт лица. Высунулась и пропала, стоило мне моргнуть. Спецэффекты? Или уже галлюцинации от нервов? Хотя нервам-то откуда взяться? Никогда не мандражил перед играми. А тут впереди лучшая игра в моей жизни, и мой брат – мастер. Мы ребята тертые, игроки опытные, и если Нереальное захочет с нами пошутить, флаг в руки – мы тоже шутить умеем.

Интерлюдия 2. Дневник неизвестного (Девятый год метеоритного дождя)

15 июля. Новосибирск

Энергетическая форма – очень интересная штука. Только научившись переходить в нее, я обнаружил, насколько же нас сковывает материальная оболочка. Это стоило мне немалого труда, но я научился переходу. Правда, пока не выдерживаю в ней дольше получаса – энергия растрачивается, и приходится снова возвращаться в тело. Впрочем, думаю, все это от неопытности. Со временем я научусь пополнять энергию из окружающего пространства. Пока с этим проблемы. Более того, возвращаясь в тело, я чувствую себя отвратительно – полное энергетическое истощение, помноженное на физическую слабость. В результате приходится... Нет, я не горжусь этим, конечно, но чего не сделаешь ради знания? Способности пьющих жизнь – пожалуй, одно из самых ценных приобретений недавнего времени. Правда, я действую не так, как эти Измененные. Они просто осушают объект полностью, после чего он умирает. Я же научился подпитываться понемногу от большого количества людей. Идеальный вариант – супермаркет. Заходишь туда, пройдешься немного по рядам – и уже все в порядке, как бы плохо тебе ни было до этого. А люди, если их там много, даже не почувствуют особого ухудшения самочувствия. Я называю это режимом шадящего донорства. Поэтому переход в энергетическую форму практикую пока только неподалеку от подобных мест.

Однако вернемся к преимуществам энергетической формы. Восприимчивость к энергетическим колебаниям увеличивается в разы, а следовательно, способности в этой области тоже усиливаются. Поиск чего-то живого, излучающего энергию, как жизненную, так и ментальную, упрощается. Чем больше суммарная энергия, тем лучше. Ментальные волны – еще более характерный маркер поиска. То есть разумных существ (Измененных и людей) мне искать проще, чем, например, животных. Кстати, в плане последнего тоже был положительный опыт. В Новосибирске мне пришлось задержаться. Дал объявление об экстрасенсорных практиках. Народ в Сибири непуганый. У европейцев-то постоянно страшные примеры перед глазами: Печорская Зона, Владимирская... Там в каждом обладателе паранормальных способностей привыкли видеть чуть ли не террориста НМП. А тут спокойнее – почти все успели уже забыть про Краснотаеинск и не шарахаются от экстрасенсов...

Впрочем, я отвлекся. Итак, в объявлении я сделал упор на поисковые дела. Хотел совместить полезное с полезным – тренировка в данном направлении мне точно не повредит: о своей главной цели я не забываю. Так вот, пару раз успешно нашел пропавших животных (кошку и собаку), используя энергетическую форму. Кстати (и это важно), в энергетической форме я невидим. Для людей. По крайней мере обычных. Но что интересно – животные меня чувствуют. Собакой, когда я ее нашел, была настоящая истерика. Кошка реагировала спокойнее.

Но это все лирика, а физика вот в чем: я намерен использовать энергетическую форму для поиска Источника в предпробужденном состоянии. Я примерно представляю, какого рода сигналы он должен испускать. Эти наверняка будут довольно слабыми, но я возлагаю большие надежды на свою особую чувствительность вне материальной оболочки. Уверен, шансы есть, и неплохие. Правда, Источники все же не на каждом углу валяются, а на большом расстоянии, боюсь, мой метод поиска может и не сработать. Надо двигаться, переезжать с места на место, чтобы охватывать поиском как можно большую территорию.

И еще. Я тут несколькими заказами заработал неплохие деньги. Сибиряки, может, и непуганые, но АПБР – оно и в Сибири АПБР. Подозреваю, что за экстрасенсами эта организация худо-бедно бдит. А их внимание мне совершенно ни к чему. Выходит, спасибо Новосибирску, но пришла пора его покинуть. И лучше поскорее.

Глава 5. Художник

Иркутск. Десятый год метеоритного дождя

Дурацкая привычка – хвататься за карман, когда в нем нет пистолета. Вот хотел я избавиться от всех этих опасных для жизни приключений, но они меня будто преследуют, и без оружия теперь чувствую себя просто голым.

Впрочем, в дом я все равно кидаюсь – там же Рита, а я и без пистолета кое-чего стою. Сумку не бросаю – хоть она и не шибко тяжелая, но при необходимости охлобучить ею кого-нибудь или выбить оружие очень даже можно.

Крик доносится снова, уже приглушенный. Со второго этажа. Я взлетаю туда по немилосердно скрипящим ступеням – тут уж не до тишины. Если на Риту кто-то напал – черт с ним, пусть знает, что я приближаюсь. Может, это хоть отвлечет его...

Может... Что-то мне плоховато – тошнота, слабость. Что вообще происходит?! Три двери на площадке. Та, что справа, чуть приоткрыта... Мне сюда. Распахиваю дверь и шагаю внутрь... Меня качает, задеваю боком угол какой-то мебели у стены. Хорошо так задеваю, аж ребра занули. В прихожей никого, только... Что за?.. Справа дверь, похоже, в ванную, судя по кафельному полу. Оттуда торчат чьи-то ноги. Мужские и совершенно неподвижные. Труп? Не исключено, хотя крови не видно. Но мне сейчас не до него – Рита. Где Рита?!

Шум доносится из-за двери слева. С первым порывом – рвануть туда очертя голову – я справляюсь, потому что... слабость, чертова слабость! А я ведь не болен, еще на улице со мной все было нормально. Это значит, что причина моей немочи здесь, в квартире! Как бы хотелось сказать, что это невозможно и все осталось там, во Владимирской Зоне! Но возможно ведь, черт подери! Потому что этим отморожкам Новым из НМП границы Зоны – не указ: они куда угодно доберутся. А то, что со мной творится, очень похоже на воздействие пьющего жизнь. Если кто-то из них здесь, у Риты совсем мало времени, а у меня только один шанс – спрятанный в сумке маленький пульверизатор со станом, прихваченный с собой на всякий случай. Правда, чтоб подействовало, распылить надо будет прямо в лицо с близкого расстояния. Удастся ли? К черту колебания – других вариантов все равно нет! Так, баллончик у меня в руках, а впереди – дверь на кухню. Открытая. Трупов не видно, но стоит стол, на нем доска для резки, половина палки колбасы и нож. Нож! Сантиметров тридцать, не меньше. Хорошее оружие. Все это проносится в моей голове уже на ходу, когда ноги, подгибающиеся от слабости, уже несут меня на кухню. Пальцы смыкаются на ручке ножа, и я с тревогой обнаруживаю, что они дрожат. Еще чуть-чуть – и я не боец. Но не важно – там Рита! Я бросаюсь в комнату. Скорее, пока не утих шум оттуда! Тишина будет означать смерть, я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.